

Всеволод Альбертович МИХЕЛЬСОН

(31 марта 1911 г. – 20 января 1997 г.) – *доктор филологических наук, профессор, автор более 90 научных трудов по русской литературе. С 1935 г. работал в Краснодарском пединституте (ныне – Кубанский государственный университет), где более сорока лет заведовал кафедрой русской литературы. В 1942 г. ушел на фронт. Окончил курсы младших лейтенантов, затем Военный институт иностранных языков. Служил военным переводчиком в 16-й гвардейской воздушно-десантной бригаде. Воевал на Карельском фронте, форсировал реку Свирь, за что в августе 1944 г. был награжден орденом Красной Звезды. С января по апрель 1945 г. участвовал в боях под Бреслау (Вроцлав). В октябре 1945 г. вернулся к преподавательской работе в Краснодарском педагогическом институте.*

23 декабря 1942 г.

Здесь, в землянке, над которой всю ночь шумят дубы, гудят и стонут от норд-оста, а их заглушает бессменный оркестр пулеметов всех калибров, минометов всех калибров, автоматов и прочего музыкального инструмента, сижу я и строчу тебе письмо. Пишу моей Коше часто и много, как выдается свободная минутка... Твои милые письма приносят много радости, бодрости... семейного, уютного, мирного прошлого и будущего, во что я твердо верю. Смерть летает над нашей головой и бродит за нами по пятам. Может быть, она, эта привезенная к нам фашистами старуха, и звезданет меня миной или пулей румынского автоматчика. Но эта смерть, грозная и сверкающая металлом, смотрит с мушки советского <...>. Разной немецко-румынско-кубанской падали и дохлятины иностранной валяется вокруг в достаточном количестве. У немцев на поясах, на бляхах написано: «С нами Бог», а с нами – Родина, любовь, добрые пожелания всех близких и всего народа, а со мной – твоя драгоценная, трижды дорогая любовь. В новой обстановке я прижился, привык, все это стало своим, родным, тем, что заменяет дом, семью, таким дорогим и близким. Я в прекрасных отношениях с бойцами, и уже знаком весь полк. Куда ни придешь, всюду знакомые.

Живу себе, поживаю, воюю, сколько сил имею. И не намерен плакаться...

13 февраля 1943 г.

Дорогая Коша и уважаемая Мария Васильевна! Поздравляю вас со взятием нашими доблестными войсками Краснодара. Минуты, когда я услышал это известие, были счастливейшими минутами моей жизни. Ночью мы давали салют в честь войска, ворвавшихся в Краснодар. Все гремело. Я немедленно написал письмо нашим. Как-то они? Живы ли? Что-то мое сердце чувствует беду. Второе письмо я написал в учреждение, которое находилось на Пролетарской, о некоторых наших знакомых и их делах. Пусть, если они не бежали с немцем, понесут должную кару. А то, пожалуй, начнут маневрировать, изображать из себя пострадавшую интеллигенцию, клясться в верности советской власти и т. д. Им, в особенности этой проститутке Очерету, не привыкать. Пока не предавай это широкой гласности. Не пиши Бронштейнам и другим. Но факт именно таков. Старик Рахинский оказался честнее и дальновиднее политика Очерета и надутого кандидата кулацких наук Бескровного, который, вообще говоря, был глуп, как чурбан и

сивый мерин, а хитер, как сто змей. Но они, как «фюрер-балда», которому они стали поклоняться, не могли оценить сил и любви к родине советского народа, потому что они своими гнилыми сердцами не любили, а ненавидели ее и народ.

1943 г.

Милая моя, родная Лидуша! Вот уже полтора месяца я не получаю от тебя ни одного письма. Как изменился мой адрес, я чувствовал себя отрезанным от мира, отверженным, ни от кого ни звука. Хотя я послал тысячи писем тебе, маме, Каплан, Шишманам и т. д. Но все отвечают мне молчанием. Когда я уходил из полка, я отдал почтарю свой планшет, который был бы мне сейчас очень нужен, за то, чтоб он мне переслал твои письма, но он ни черта не пересылает. А может быть, не пишешь мне больше? Пиши, голубок. Кто знает, сколько мне положено пожить на белом свете после того, как я стану командиром! А как я был счастлив, когда получал частичку твоих дум, минутку твоего времени, листок, которого касались твои руки. Я сейчас там, где защищал диссертацию. 14 часов работаю, никого не вижу. В первый день прибытия встретил жену Очерета, от нее узнал, что мама и Лиля живы. Живут в нашей квартире, и все наши вещи, и моя библиотека сохранились. Я был на седьмом небе от счастья. Но писем от них нет. Я ей особенно не доверяю. Эти псы Бескровный, <...> Иванов – историк... редактировали краевую (!!!) газету у немцев. А Очерет тебе писал стишки. Вот воплощенные коварство и любовь. Все они бежали. Имущество

Бескровного конфисковали. Милая Коша, нельзя ли устроить, чтоб маме к вам до конца войны перебраться, подумай и напиши мне срочно. Старухе надо больше спокойствия. У меня есть хорошие возможности, но вряд ли что выйдет. Последнее время мне не везет. Институт работает. Посылки твоей не получил. Твой Сева.

5 июня 1944 г.

Нам выпала честь опустить с громом занавес этого страшного спектакля, который начался в 1941-м, и, как ты чувствуешь, уже начался последний акт, и наиболее нетерпеливые зрители уже думают, как бы вскочить в трамвай, идущий домой, но наша задача – остаться до конца. Наши солдаты все поголовно изучают элементы немецкого языка (разговор с мирным жителем), приходится с этим много возиться. У нас в землянке живет заяц.

12 июня 1944 г.

Привет с фронта, как пишут наши солдаты. Бить будем финнов и ставить их на колени. Как всегда, специальность моя оказалась ни при чем, и я буду бить финнов не по своей специальности. Кроме финнов, здесь еще два врага: бешеные комары, в борьбе с которыми я непременно проливаю кровь. И болота. Иногда думаю: вот убьют, а Лидка как же, и так не хочется умирать и кому-нибудь тебя отдавать. Ну, это сентиментальности. Маме о том, что я на фронте, не написал. Места здесь красивые: леса, леса, леса, озера. Когда услышишь по радио приказ войскам Карельского фронта, знай, это относится и ко мне. ■

Николай ОЩЕПКОВ

3 августа 1941 г.

Письмо от вашего сына Николая.

Я только что вот сейчас получил от вас письмо и спешу написать вам последнее письмо. Я жив-здоров, того и вам желаю. Привет всем друзьям и приятелям, Егору и Анатолию, получил ваше письмо... Сегодня отправляют на фронт. Я только что получил от вас фотокарточки, теперь <...> вся семья есть. Я буду не один раз в день смотреть. Желаю вам счастья в жизни, но мое счастье впереди, а я отправляюсь биться за него. Сегодня получили все вооружение и едем бить врага. Теперь у нас одно горит желание – вперед, за победу, вперед, за продолжение советской власти, вперед, за нашего родного Сталина, так вот.

Прощайте все, мои родные, прощайте, братья и сестры, прощайте, мать и мой отец, я еду, может быть, на время, а быть может, навсегда. Быть может, меткая винтовка сразит меня из-за угла, быть может, сабля лихойейской отрубит голову мою. Папочка, мамочка, братья и сестры, прошу не поминать меня лихом, может, последнее письмо пишу, а быть может, последний раз читаете ту бумагу, по которой еще ходила моя рука. Помните, что эта бумага еще была у меня в руках, я вам желаю только счастья в жизни. Вот сегодня уже 3 августа, погружаемся в эшелон. Мама, папа, обо мне много не думайте, пока мое сердце будет биться, я буду драться до последнего моего биения сердца. Передавайте всем по привету. Я пишу, и у меня невольно выходят слезы.

Пока до свидания, крепко жму ваши руки и целую всех, не забывайте мое имя. КОЛЯ.

До свидания, до свидания, всем, всем, всем привет.

30 июля 1944 г.

Привет с фронта.

Добрый час, незнакомый отец Николая, отвечаю на ваше письмо.

Ваш сын Николай Алексеевич Павленко находился на службе в моем подразделении почти год. Служил честно и добросовестно. За проявленный героизм на фронте борьбы с немецкими захватчиками он удостоен двух правительственных наград: ордена Славы III степени и медали «За отвагу». По случаю смерти орден Славы III ст. он не получил, но медаль «За отвагу» носил на груди. По указанию нашего правительства эти награды после смерти остаются при части, и они сейчас находятся у нас. Да, я сам был участником его похорон, он похоронен хорошо. Был убит сразу вражеской пулей, которая попала в грудь Николая.

И вот после похорон вечером приносит почтальон письма. Вижу одно письмо на его имя, пишет ему сестра Мария, я взял, прочитал, сердце закипело, и невольно заплакал и сразу же дал ответ Марусе. Вот почему я ее узнал. Сейчас мы стоим на временном отдыхе. И вспоминая отважного воина, вашего сына, я сейчас воспитываю молодых казаков в такой честности и преданности Родине, как Ваш сын. Он вошел героем в списки части, которые будут вечными.

На этом заканчиваю, пока до свидания, жму крепко руку.

Привет всем землякам.

С приветом, гв. лей-т [подпись].

Публикация Т. А. Василевской ■